

Татьяна Винокур (1924–1922)

ЭРИК ХАН-ПИРА
(Москва)



15 апреля 1964 года в Малом зале Центрального Дома литераторов идет обсуждение книг писателей о языке и культуре редактирования. Обсуждение организовано сектором культуры речи Института русского языка Академии наук (ИРЯЗ). Однако в центр внимания врывается иная тема — оценка слога повести Александра Солженицына *Один день Ивана Денисовича*. И это понятно: прошло около полутора лет со времени ее выхода, а страсти еще не улеглись, напротив, усилились — она выдвинута на Ленинскую премию.

Один из выступающих говорит, что в повести много непонятных слов, а это мешает восприятию и снижает ее эмоциональное воздействие. Слово берет Татьяна Винокур. Чувствую: она сильно рассержена. Наверное, никак не ожидала от коллеги того, что мы уже слышали от людей, не имеющих лингвистической подготовки. Может быть, в эти минуты ей припомнилась и одна из наших встреч с Корнеем Чуковским, когда писатель рассказывал о беседе с маршалом Соколовским. Дело было в правительственной санатории *Барвиха*. Зашла речь о повести. Маршал был ею недоволен и сказал: „Мы не можем пропагандировать жаргон”. Чуковский полчаса объяснял ему, что такое речевая маска и чего требует от автора реализм. Маршал выслушал и произнес: „Но мы же не можем пропагандировать жаргон...”

Таня начинает с цитаты из фонвизинского *Недоросля*: „Ах, все то вздор, чего не знает Митрофанушка”. Цитата попадает в цель. Оживление в зале подтверждает это. Непонятливый доцент смущен. А Таня набрасывает эскиз своей будущей статьи, которую, возможно, и задумала в этом зале и которую мы будем читать осенью следующего года в очередном выпуске *Вопросов культуры речи*.

Вслед за Таней говорит Lidия Корнеевна Чуковская. Она присоединяется к высокой оценке слога повести и тоже отводит упреки в непонятности, а также в непристойности.

После обсуждения крайне деликатная Таня сокрушается, а не переборщила ли она с Митрофанушкой ...

Насколько мне известно, упомянутая статья Тани – первое исследование слога Солженицына. Эта пионерная работа одна из ее лучших, если не самая лучшая. По-моему, она может послужить образцом при обучении студентов лингвистическому анализу художественного текста.

Я не прослеживаю здесь ни всю жизнь Тани, ни даже ее жизнь в науке. Только отдельные эпизоды, фрагменты.

С детства она видела и слышала известных и больше того – знаменитых отечественных филологов, приходивших к отцу, выдающемуся филологу Григорию Осиповичу Винокуру. За несколько недель до гибели она поделилась прекрасными воспоминаниями о Д.Н. Ушакове. Они, к счастью, записаны на пленку. Будем надеяться, что их удастся напечатать.

Помню ее рассказ об академике Л.В. Щербе, в годы ее студенчества преподававшем в Московском университете: как ходил на Щербу жаловаться в деканат ее однокурсник, не принимавший манеры Щербы держаться в аудитории и не понимавший, зачем профессор заставляет студентов еще и еще вслушиваться и вдумываться, например, в пушкинские строки: На берегу пустынных волн, Стоял он дум великих полн.

В мае 1947 года не стало Григория Осиповича. В тот год Таня закончила университет. Рекомендована в аспирантуру. Сданы туда экзамены. А приказа о зачислении нет и нет. Началась какая-то подозрительная волокита. Таню посылали, как говорится, от Понтия к Пилату: из МГУ в Министерство, оттуда в МГУ. Один известный лингвист, знавший Таню еще ребенком, теперь, встречая в университетских коридорах, не замечал ее, смотрел как бы сквозь нее. Время шло. Принятые в аспирантуру уже три месяца занимались, а Таня все искала концы в канцеляриях.

Молодой семье (Таня вышла замуж) жить на стипендию мужа было тяжело. И тогда решила Таня мама. Она позвонила литературоведу профессору А.М. Еголину. Он хорошо знал Григория Осиповича по совместной работе в Московском институте философии, литературы, истории. В 1947-ом Еголин занимал высокий пост в аппарате ЦК партии. Через сутки „пропавшую грамоту” разыскали. Да еще и пожурили Таню, что не торопится получить ее. А в университете выплатили стипендию за три месяца, которые Таня провела у запертых врат науки, безответно стучаясь в них. Вся эта канитель, конечно, не была порождена чьей-то забывчивостью, халатностью. Григория Осиповича не жаловали марровцы. А главное – набирал силу государственный антисемитизм, рос пристальный интерес к пресловутому „пятому пункту” (зарубежным специалистам по новейшей истории России и русскому языку советской эпохи нет нужды пояснять этот фразеологизм) ...

Защитив кандидатскую диссертацию, Таня в поисках работы попадает во Всесоюзный институт кинематографии. На сценарном факультете предлагают курс стилистики. До нее его там не было. Она создает свою программу курса и ведет по ней занятия. Потом был Историко-архивный институт. Тут Таню ожидала история языка – курс древнерусского языка. Через несколько лет издательство института выпускает ее пособие по этой дисциплине. Любопытно, что лет тридцать спустя, будучи в Вашингтоне и разговорившись с священником тамошней православной церкви, она узнала, что он обучает студентов, пользуясь этим пособием. Ветераны Историко-архивного института до сих пор помнят ее, недолго проработавшую рядом с ними.

Наконец Таня в академическом Институте русского языка. Здесь открылись все возможности реализовать себя. Статьи в сборниках, выступления на многочисленных конференциях, книга, посвященная теоретическим основам стилистики, защита докторской диссертации по стилистике, блистательная популяризация лингвистических знаний в печати и на радио.

В „оттепельные” годы в ИРЯЗ устраивались веселые вечера – „капустники”. Таня играла первую скрипку в сочинении шуточных текстов.

Она повидала мир: была в Таиланде, нескольких странах Африки, во Франции, Англии, Польше, Штатах. Но лучше всего чувствовала себя на старом Арбате. Она рассказывала, как в парижском представительстве Аэрофлота заплакала, увидев фотографию Арбата ...

Несколько лет Таня добивалась самой возможности опубликовать часть наследия Григория Осиповича, а потом участвовала в составлении двух винокуровских сборников. Летом 1991 года эти книги – *Филологические исследования и О языке художественной литературы* – увидели свет. И это была, кажется, последняя радость в ее жизни.

Мне невозможно представить себе человека, который мог бы сказать, что его обидела Татьяна Винокур. Она была добрым, участливым другом. Эта невысокая и хрупкая женщина обладала большой творческой энергией, сильной волей, безукоризненным тактом и чувством собственного достоинства, чувством юмора и редкой способностью к самоиронии.

Если бы она вошла в тот майский вечер не в один из головных вагонов метро и если бы вышла к Гоголевскому бульвару, а не к Музею изобразительных искусств. Если бы была чуть внимательнее, переходя улицу. Если бы ...

Основные работы Татьяны Винокур

1. *Синонимия и контекст*. – *Вопросы культуры речи*, вып. 1, Москва 1964.
2. *О языке и стиле повести А.И. Солженицына „Один день Ивана Денисовича“*. – *Вопросы культуры речи*, вып. 5, Москва 1965.
3. *Об изучении функциональных стилей языка советской эпохи*. – *Развитие функциональных стилей современного русского языка*, Москва 1968.
4. *Стилистическое развитие современной русской разговорной речи*, там же.
5. *О содержании некоторых стилистических понятий*. – *Стилистические исследования*, Москва 1972.
6. *Разговорная речь и разговорный стиль (Анализ понятий)*. – *Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Сборник четвертый*, Горький 1973.
7. *Закономерности стилистического использования языковых единиц*, Москва 1980.